

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЦЕННОСТЬ ДЕНЕГ» В ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ И АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена эволюции понятия «ценность денег» в древневосточной и античной философии, изменению представлений о ценности денег, соотношении ценности денег и других ценностей в социумах древности. Рассматриваются аксиологический и социально-экономический аспекты ценности денег.

Ключевые слова: ценность денег, деньги, ценности, древневосточная и античная философия, аксиологический, социально-экономический аспекты.

Приступая к изучению эволюции понятия «ценность денег» в философских концепциях прошлого, необходимо рассмотреть указанное понятие в двух аспектах: аксиологическом и социально-экономическом. Особенностью этого анализа будет являться параллельная эволюция как аксиологического, так и социально-экономического пластов в содержании этого понятия. В первом случае будет изучаться изменение представления о ценности вообще в ту или иную эпоху с точки зрения конкретного автора. Во втором — чем, почему и в какой степени ценны именно деньги.

Едва ли не первые дошедшие до нас упоминания денег встречаются в законах вавилонского царя Хаммурапи, правившего в 1792–1750 гг. до н. э. [8]. В столь далеком прошлом еще не произошло четкого разделения на отдельные сферы интеллектуальной деятельности. Поэтому законы Хаммурапи можно рассматривать не только как исторический и юридический, но и как философский памятник, так как он содержит представления древних вавилонян о сущем и должном. Причем, что особенно важно, в законах Хаммурапи деньги не просто упоминаются, по этим законам мы можем проследить отношение автора к самому институту денег, к их роли в жизни древневавилонского общества.

В роли денег вавилоняне использовали весовое серебро, и в меньшей степени — зерно. Поэтому именно основные весовые единицы серебра — сикль (~ 8 г) и мина (~ 480 г) являются одновременно и денежными единицами. Деньги в законах Хаммурапи упоминаются в качестве меры наказания за те или иные преступления и в статьях, регламентирующих порядок выдачи и обслуживания денежных и натуральных ссуд.

Деньги в законах Хаммурапи — это не только мера наказания, но и в известной степени мера жизни человека. Статья 8 гласит: «Если человек украл либо вола, либо овцу, либо осла, либо свинью, либо же лодку, то, если это принадлежит богу или дворцу, он должен заплатить в тридцатикратном размере, а если это принадлежит мушкенуму, он должен возместить в десятикратном размере. Если вор не имеет чем платить, он должен быть убит» [8].

---

* © Слатов Д.Г., 2011

Слатов Дмитрий Геннадьевич (egmu205@mail.ru), кафедра экономики города и муниципального управления Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Можно ли считать деньги в законах Хаммурапи обобщенным эквивалентом блага? На первый взгляд, можно, ведь ими измеряются не только материальные ценности (имущественный ущерб), но и нематериальные – компенсация увечий, свобода и даже жизнь. Тем не менее, делать такой вывод, на наш взгляд, не вполне корректно. В законах Хаммурапи четко и детально ограничены верхние пределы процентных ставок по ссудам. Причем процент ограничивается на довольно умеренном уровне, не более 20 %. В случае его превышения займодавец терял основную сумму ссуды (статья 90). Также законодательно ограничивается тремя годами срок долгового рабства для свободного вавилонянина (статья 117) [8].

Это позволяет сделать вывод, что деньги как таковые, а тем более их безграничное приращение, как, впрочем, и отношения частной собственности, не являлись для Хаммурапи сколько-нибудь значимыми ценностями сами по себе по сравнению, например, с сохранением общественного порядка и предотвращением обеднения рядового обывателя. Деньги выступают всего лишь удобным социальным инструментом, подчиненным служению иным ценностям.

Законы Ману являются памятником древнеиндийской философской традиции. В ней мы можем увидеть те же общие индоевропейские мифологические пласты, что и, например, у древних греков и римлян. Так, космогоническая часть законов Ману содержит упоминания о четырех эпохах: Крита, Трета, Двапара и современной эпохе – Кали. Особенно важными для целей нашего исследования представляются не столько само упоминание об этих эпохах, сколько их ценностная составляющая. Так, пункт 86 главы I законов Ману гласит: «В век Крита объявили главным аскетизм, в Трета – знание, в Двапара же – жертвоприношение, в век Кали – одну щедрость» [7, с. 14]. Отметим, что приобретение денег как ценность не упоминается ни в одном случае, более того, ценностями являются практики, прямо противоположные накоплению денежного богатства – аскетизм, жертвоприношение, щедрость. Более того, стремление к чувственным наслаждениям считается крайне опасным для жизненного успеха человека. «Ни [изучение] Веды, ни щедрость [в милостыне], ни жертвоприношение, ни воздержание, ни аскетизм никогда не ведут к успеху [человека], имеющего характер, оскверненный [чувственностью]» [7, с. 22].

Учение Конфуция, являющееся краеугольным камнем не только философской традиции, но и вообще интеллектуальных и морально-этических практик Китая, содержит весьма своеобразное отношение к деньгам, богатству и бедности. Глава 4 Лунь Юй гласит: «2. Человек, не обладающий человеколюбием, не может жить в условиях бедности, но он не сможет долго жить и в условиях радости...» [12, с. 21–22]; «5. Люди желают богатства и знатности. Если не руководствоваться правильными принципами – их не получишь...» [12, с. 22]; «11. Благородный муж думает о морали, низкий человек думает о том, как бы получше устроиться. Благородный муж думает о том, как не нарушить законы, низкий, думает о том, как извлечь выгоду; 12. ...Тот, кто действует, стремясь к выгоде для себя, вызывает большую неприязнь» [12, с. 24.]. Отметим неоднозначную ценностную нагруженность понятий «богатство» и «выгода». С одной стороны, бедность (антитеза богатства) – это то, чего следует избегать, а само богатство – вполне желанная цель для человека. С другой стороны, стремление к собственной выгоде недостойно поведения благородного мужа. На наш взгляд, это противоречие разрешается следующим образом: речь идет только о социально приемлемом богатстве, богатстве, приобретенном с использованием правильных принципов, в рамках правильно организованного социума: «13. Если государство управляется правильно, бедность и незнатность вызывают стыд. Если государство управляется неправильно, богатство и знатность также вызывают стыд» [12, с. 25].

Древнегреческие философы-досократики интересовались в первую очередь онтологическими проблемами, изучением оснований бытия. Именно в этом контексте упоминаются товарно-денежные отношения, например, у Гераклита. «На огонь обменивается все, и огонь — на все, как на золото — товары и на товары — золото» [11, с. 49]. Перед нами не столько изучение вопроса товарно-денежных отношений, сколько общепонятное читателю сравнение, иллюстрирующее основную мысль Гераклита. Тем не менее даже из самого факта подобного сравнения можно сделать вывод о признании Гераклитом за золотом свойств универсального товара и универсального преобразователя товаров.

Платон обращает внимание на ценности, анализ категории «благо» занимает важное место в его трудах. «Но самое ценное по праву — это блага, относящиеся, прежде всего, к душе, если в ней есть рассудительность, затем прекрасные качества тела и, в-третьих, так называемые блага, относящиеся к имуществу и достатку. Если какой-нибудь законодатель или какое-то государство выйдут за эти пределы, оценив наиболее высоко достаток или поместив в смысле ценности низшее перед высшим, они совершат дело и негосударственное, и нечестивое» [13], «...если кто стремится неблагоприятным путем приобрести имущество и обладание таким имуществом для него не тягостно, он всеми этими дарами вовсе не оказывает почета душе, при этом он очень ее унижает, ибо за небольшое количество золота продает все, что есть в душе драгоценного и вместе с тем прекрасного»; «большинство... считает, будто хороший законодатель должен стремиться видеть свое государство великим; будто он дает хорошие законы, думая о том, чтобы государство было как можно богаче, что бы оно обладало золотыми и серебряными рудниками и владычествовало над большинством государств как на море, так и на суше. Надо было бы добавить: надлежащий законодатель должен стремиться к тому, чтобы его государство было наилучшим и счастливейшим. Это отчасти исполнимо, отчасти нет. Устроитель пожелал бы исполнимого; желать же неисполнимого было бы тщетно, тут напрасны даже попытки. Например, устроитель пожелал бы, чтобы граждане стали добродетельными, а вместе с тем и неизбежно счастливыми; стать же очень богатыми, оставаясь добродетельными, невозможно, по крайней мере, богатыми в том смысле, как это понимает большинство. Ведь богатыми называют тех избранных людей, которые приобрели имущество, оцениваемое огромной суммой, хотя бы сам владелец и был дурным человеком. Но одновременно быть и очень хорошим, и очень богатым невозможно» [13]. Платон считает оптимальным для социального мира равное распределение богатства между гражданами. Тем не менее он признает принципиальную невозможность такого распределения и предлагает разделить граждан на четыре имущественных класса, подобающих их уровню богатства [13].

Вопрос социально оправданного применения денег детально рассматривался Аристотелем, который тонко различает искусство богатства и искусство наживы. Богатство, в отличие от наживы, — социально приемлемый способ использования денег. В «Политике» Аристотель пишет: «Всякое орудие во всяком искусстве не является беспредельным в отношении своего количества и величины; богатство же представляет собой совокупность орудий экономических и политических» [1, с. 36]. Уточним, что в этом пассаже речь идет не столько об орудиях экономических в нашем понимании этого термина, сколько об орудиях домохозяйственных. Если мы прочтем греческий термин *οεσονομία* как домохозяйство (домострой), то это куда точнее передаст суть аристотелевой мысли. Нынешнее значение слова «экономика» скорее относится к идее не столько богатства, сколько наживы, что, по сути, противоречит экономике как ремеслу ведения домохозяйства.

«В искусстве наживать состояние никогда не бывает предела в достижении цели, а целью здесь оказывается богатство и обладание деньгами. Напротив, в области, относящейся к домохозяйству... предел имеется, так как целью домохозяйства служит не накопление денег» [1, с. 38]. Этот тезис принципиально важен для понимания сути денег не только в философии Аристотеля, но и в доиндустриальную эпоху вообще. Накопление денег ради самих себя не просто бессмысленно, оно вредно, ибо нарушает сложившийся порядок, разрушает социальные связи, разрушает общину сограждан, общину равных, основу бытия античного человека.

Киники, пожалуй, самые яркие и эпатажные философы древности, стояли на позициях гипертрофированного толкования сократического принципа утилитарной добродетели. Основатель этого учения Антисфен Афинский говорил: «Благое прекрасно, плохое безобразно» [9]. Подобное упрощение ценностного пространства отчасти облегчает нам анализ отношения киников к деньгам. Киники были философами-практиками, для которых главный инструмент воздействия на аудиторию – их собственная жизнь. Киники придерживались принципа аскетизма, можно даже сказать сознательной нищеты, вытекавшего из ценного для киников естественного, природного поведения человека. Деньги же как искусственный, человеческий конструкт, к тому же действующий в прямо противоположном направлении, относились к категории плохого (вредного) для человека. По сути, кинизм можно считать отрицанием человеческого в человеке ради природного естества. Понятно, что деньгам и богатству в такой философии места нет.

Гедонисты (киренаики), являясь в некотором смысле противоположностью киников в вопросах личного потребления, тем не менее относились к деньгам и богатству далеко не однозначно. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Гедонисты признавали два состояния души, боль и наслаждение. Плавное движение – это наслаждение, резкое – боль. Наиболее влиятельный из гедонистов, Аристипп, конечным благом считал плавное движение, воспринимаемое ощущением. Сам он, являясь весьма небедным человеком, жил роскошно, но при этом четко декларировал, что деньги лишь инструмент наслаждения. Слова Горация об Аристиппе точно передают суть философии гедонистов: «Шло к Аристиппу любое житье, положенье и дело: Лучшего всюду ища, он доволен был тем, что имеет» [4, с. 733]. Деньги как таковые не ценны, ценно наслаждение жизнью, которое можно получить с их помощью.

Эпикурейцы – представители одной из самых влиятельных философских школ поздней античности – были весьма последовательны в сохранении наследия основателя школы – Эпикура и на протяжении шестисот лет придерживались основных принципов его учения почти без изменений [5, с. 157]. Эпикур, уделявший в своей философии основное внимание проблемам скорее индивидуального, нежели общественного бытия человека, тем не менее солидарен с Аристотелем в вопросе отношения к богатству: «Богатство, требуемое природой, ограничено и легко добывается; а богатство, требуемое пустыми мыслями, простирается до бесконечности» [10, с. 603]. Желания, если брать их в полном объеме, в принципе нельзя насытить, ибо «ничего не достаточно тому, кому достаточно мало» [10, с. 623].

Одним из самых влиятельных (если не самым влиятельным) философских учений поздней античности был стоицизм. Несмотря на весьма серьезную шестисотлетнюю эволюцию учения стоиков от ранней стои (Зенон Китийский, Клеанф, Хриссип из Сол), через среднюю (Панетий Родосский, Посидоний) к поздней (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий), аксиологический базис стоицизма оставался неизменным. Отношение стоиков к основным ценностям мы видим

у Диогена Лаэртского: «Все сущее они считают или благом, или злом, или ни тем ни другим. Блага — это добродетели: разумение, справедливость, мужество, здравомыслие и прочее. Зло — это противоположное: неразумие, несправедливость и прочее. Ни то ни другое — это все, что не приносит ни пользы, ни вреда, например жизнь, здоровье, наслаждение, красота, сила, богатство, слава, знатность, равно как и их противоположности: смерть, болезни, мучение, уродство, бессилие, бедность, бесславие, безродность и тому подобное» [6, с. 277]. Таким образом, и богатство, и бедность, с точки зрения стоиков, попадают в группу этически нейтральных категорий. Однако если богатство и бедность сами по себе как состояния этически нейтральны, то сребролюбие, т. е. стремление к обогащению, относится уже к ценностям негативным и является злом, поскольку является страстью, а страсть — это то, что противоположно разуму, мужеству, умеренности, т. е. добродетели.

Раннехристианская философия, будучи специфическим сплавом позднеантичных философских концепций и собственно христианской догматики, является эсхатологической по своим ценностным установкам и аскетической с точки зрения практики. Применительно к деньгам такая позиция означает еще более жесткое осуждение, чем мы наблюдали у позднеантичных авторов, близких раннехристианской традиции (стоиков, например). Нестяжание — одна из христианских и, особенно, раннехристианских добродетелей. Хотя справедливости ради следует отметить, что догматический базис христианства — Священное писание — дает основания для самого различного отношения у богатству и деньгам. Евангелие от Матфея содержит два с виду противоположных тезиса «Лукавый раб и ленивый! ...надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я пришед получив бы мое с прибылью» (Матф. 25:15–30) [2], знаменитая фраза о таланте, зарытом в землю и не менее известная фраза «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапываются и не крадут» (Матф. 6:19–20) [2]. При видимом противоречии оба эти тезиса иллюстрируют одну и ту же мысль: сокровища земные, т. е. деньги, спрятанные, тезаврированные, выведенные из хозяйственного оборота, — это не ценность. При этом отношение к деньгам, выполняющим свою хозяйственную функцию, вполне нормальное и положительное: «...надлежало тебе отдать серебро мое торгующим», именно такой образ действий видится Матфею правильным. Тем не менее, несмотря на столь явное разрешение использования денег в хозяйственном обороте с целью получения прибыли, в целом раннехристианская традиция относится к деньгам скорее негативно.

Августин Блаженный, философия которого является рубежной между античной и средневековой, относится к деньгам и богатству весьма негативно. Это вполне логично, учитывая эволюцию его философских взглядов. Несмотря на то что Августин в конечном итоге отказался от манихейства и встал на позиции христианской догматики, совмещенной с отдельными положениями неоплатонизма, жесткий дуализм божественного и земного, спасительного и греховного четко прослеживается в его произведениях. Стремление к земным благам, стремление к накоплению богатства, иначе говоря, ко всему тому, что позволяет одному человеку господствовать над другим, содержит слишком малую степень добра. Зла как самостоятельной сущности Августин не признавал [3, с. 9].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Несмотря на отсутствие в древневосточной и античной традициях единого общепринятого понятия «ценность денег» вопрос ценности денег, интересовал авторов древности в первую очередь по сравнению с другими ценностями. Однозначно доминирует ак-

сиологический аспект в рассмотрении этого вопроса по сравнению с социально-экономическим, который, впрочем, также встречается, особенно в древнейших памятниках, таких как Законы Хаммурапи и Законы Ману [7].

Итак, накопление денег ради самих себя не просто бессмысленно, оно вредно, ибо нарушает сложившийся порядок, разрушает социальные связи, разрушает общину равных, основу бытия античного человека. В древности отлично понимали опасность для общества такой самоподдерживающейся и принципиально бесконечной деятельности, как нажива. Ценность денег вторична по отношению к социальной стабильности, порядку, благочестию.

Библиографический список

1. Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2002. 496 с.
2. Библия. Синодальный перевод. URL: <http://days.pravoslavie.ru/Bible/Index.htm>.
3. Блинников Л.В. Краткий словарь философских персоналий. Новосибирск, 2010. 360 с. URL: http://slovo.yaхu.ru/pdf/sorcerer_dictionary_personal.pdf.
4. Вергилий, Гораций. Антология. М.: АСТ, 2009. 912 с.
5. Гусейнов А., Ирритц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. 589 с.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 576 с.
7. Законы Ману. М.: Наука, 1992. 239 с.
8. Законы Хаммурапи. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 4 т. М.: Искусство, 1969. Т. 2. 714 с.
10. Лукреций. О природе вещей: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1947 (в приложении тексты Эпикура). Т. 2. 732 с.
11. Материалисты Древней Греции. М.: Госполитиздат, 1955. 240 с.
12. Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь Юй». М.: Восточная литература, 2001. 168 с.
13. Платон. Законы / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999. 832 с.

D.G. Slatov*

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT «THE VALUE OF MONEY» IN ANCIENT EASTERN AND ANTIQUE PHILOSOPHY

This article is about evolution of the concept «value of money» in ancient eastern and antique philosophy and evolution of ideas of value of money, relations between value of money and another values in ancient societies. Axiological and social and economic aspects of value of money is researched.

Key words: value of money, money, values, ancient philosophy, axiological, social and economic aspects.

---

* *Slatov Dmitriy Gennadievich* (egmu205@mail.ru), the Dept. of Economy of the City and Municipal Management, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.